

> ИСТОРИЯ

Памяти
не скажешь:
«До свидания»

НЕДАВНО увидела свет уникальная «Книга памяти» Геннадия Васильева. Верхнеуральские краеведы завершают работу над другим своеобразным изданием.

Особое место в истории Верхнеуральска занимает действующая до настоящего времени Верхнеуральская тюрьма ЯВ 48-Т1 – ранее военнокаторжная тюрьма, политизолятор. Свою историю она ведет с 1914 года. Немало известных людей побывало в ее стенах: большевики-ленинцы Г. Зиновьев, Л. Каменев, нарком финансов Г. Сокольников, нарком труда А. Шляпников, митрополит П. Крутицкий и родственники Гитлера. Есть сведения, что здесь закончил свою жизнь первый редактор «Комсомольской правды» А. Слепков. Но вся эта информация получена из свидетельств очевидцев, журнальных и газетных публикаций. Тюрьма меняла свою ведомственную принадлежность – НКВД, МГБ, МВД, все архивы вывезены и следы их теряются, поэтому часто документальных подтверждений нет. И до сих пор неясно, где их можно получить.

По инициативе краеведов Верхнеуральского района несколько лет назад началась кропотливая работа над оригинальной «Книгой памяти», пока носящей условное название «Верхнеуральская тюрьма. Сидельцы за идею». Этот труд – результат личной переписки краеведа-составителя с родственниками и даже сидельцами Верхнеуральского политизолятора А. Боярчиковым, А. Гарасевой, Д. Бацера. В ближайшем будущем книга выйдет в одном из магнитогорских издательств.

Недавно в архиве обнаружен интересный материал о судьбе близких и дальних родственников легендарного «железного наркома» Серго Орджоникидзе – изыскания и размышления ветерана труда Г. Ворониной, которые я частично воспроизвожу.

...В мае 1945 года в Магнитогорском психоневрологическом диспансере умерла от сердечной недостаточности Юлия Константиновна Орджоникидзе, предположительно сестра наркома. Пациентка скончалась в возрасте 52 лет, похоронена на старом кладбище станицы Магнитной. Сохранились и свидетельства из музея С. Орджоникидзе в грузинском селе Гореша, предоставленные директором музея Н. Джибути, родственницей Серго, рассказавшей о трагической судьбе других членов семьи Орджоникидзе.

Старший брат Серго, Павел Константинович, работавший председателем Закавказской торговой палаты, был арестован в октябре 1936 года и отбывал наказание в тюрьме Верхнеуральска. В августе 1937 года его этапировали в Тбилиси, где в ноябре расстреляли. В этом же году арестована и погибла его жена Нина Давидовна. У Серго были два сводных брата, Иван и Константин, также осужденные на длительные сроки заключения. Жена одного из них, Ивана, тоже была арестована, просидела в тюрьме семь лет и вскоре после освобождения умерла. Всего репрессиям из рода Орджоникидзе подверглось 18 человек...

Все чаще говорят, что тема сталинизма не актуальна и исчерпала себя. Человечество, прощается со своими недостатками, только не с историей Отечества. Кто забыл прошлое, тому повторится в настоящем и будущем.

ВАЛЕРИЙ ЕФИМОВ,
краевед

Лучше не замахиваться на пургу

> В ясное воскресное утро пятеро пацанов отправились к селению под названием Боборык

– У ПРАЗДНИКА всегда день, у праздника не бывает ночи. Может быть, ты встанешь и прогуляешься? – сказал Орионец.

– Он имеет в виду праздник жизни, – подумал Сережа-философ и послушно отправился на гору Березовую.

– С каких же пор я тебя знаю, Орионец? – спросил он своего радужного друга.

– Лет с шести, пожалуй... Ангельский возраст! – откликнулся Орионец, прыгая по ступеням резервуара. – Я тебя то и дело спасал от гибели, помнишь?

– Ну не всегда! Однажды я звал тебя, но спас меня просто обыкновенный человек из дома на окраине Димитровского поселка.

– Не может быть, – удивился покрасневший Орионец.

Но Сережа уже впал в воспоминания и философию. Во всем виноват горю: у мальчишек с горы Березовой был непреодолимый бригадный горю. Взять хотя бы зимние игры. На верхотуре улицы в одноэтажном бараке при гаражах жили отважные лыжники Коля и Вова Новиковы. Они любили слалом. Коля, по-моему, уже в четвертом классе школы был мастер спорта по слалому. И мы тянулись за ним, как за звездой, строили трамплины, прокладывали и прямые лыжни, были и азартные школьные состязания, были и сумасшедшие спуски вслед за Колей прямо от верхотуры – лыжи на валенках, широкие, домашнего изготовления. Все мы рвались к победе и отваге вслед за летучим лыжником Колей Новиковым. По горе Березовой мы носились на лыжах почти каждый день.

Но вот однажды в ясное воскресное утро пятеро пацанов во главе с моим старшим братом, царство ему небесное: он погиб в Балтийском море в 23 года – отправились к селению под названием Боборык. Говорят, оно принадлежало его основателю Боборыкину. Но дело не в этом. Дело в том, что там были красивые длинные горки, и можно было долго спускаться и крутить самодельный слалом. До Боборыка не меньше 15 км. Но у нас горю, и нас пять человек, и мир принадлежит нам, поскольку... мы с Березок!

Однако человеку в пути или в игре нельзя ослабевать. Накатались мы влать, и вот первый знак конца праздника – сломали две пары лыж. Не все поддается капризу, и мы подались домой: пешком по глубокому снегу.

– Природа любит поиграть с жертвами, – догадался умница Орионец.

– Да. Поднялась метель, а мы мокрые от пота, снег нас мигом облепил ледяной коркой. Сосульки на штанах звенят от ветра. Сугробы по пояс, валенки полны снега. И стало быстро темнеть. Мы ползем, тащим обломки лыж, чтобы родителям предьявить. Домой, домой, вперед-вперед. А пурга идет белой стеной до черного неба.

– Сколько же вам было лет?

КОМПАЖ > МАРИНА НИКОЛАЕВА

– Тринадцать-четырнадцать, не больше...

– Опасный возраст. Пурга такими и питается... Она крохотками цепляется прямо за тело... Тем более что еще и тела-то нет!

– Мы двигались на огонки города. Они нас и спасли, не дали сбиться или свалиться в сугроб, или уйти на все четыре стороны...

– Дальше уж я могу рассказать, что с вами было. Вы почти без сознания добрали до крайнего дома Димитровки. Из баньки – это же воскресенье! – случайно вышел молодой человек. Он увидел, что перед ним валяются пять сугробов, вернее, шевелятся пять росмах.

– Ребята, откуда вы?

А вы молчите. Догадался он о беде по обломкам лыж – сам такой бывал. Перетаскал пацанов в предбанник. Раздел, принялся растирать, кажется, барсучьим, вонючим жиром. Этот запах тошнотворный, как нашатырный спирт.

– Пять спин, десять рук, десять ног, мордочки, уши, шеи... Досталось ему, нашему спасителю...

– Да, вот ему-то я уже точно помогал! – напомнил о себе Орионец, и про мордочки и уши, как он их нахлестывал и выкручивал.

И мы заснули прямо в гостях у этого дома. Проснулись без памяти и в тепле.

– Выметайтесь! – весело приказал хозяин, ничего не спрашивая.

Да мы и говорить не умели в ту пору от потрясения ума и чувств: пурга все еще шла за нами, будто цунами в океане! Мы с братом явились домой рано утром.

Отец топил печку-голландку и точил бритву на широком солдатском ремне. Мама, не глядя на нас от злости, крикнула отцу: «Возьми ремень, да отходи их как следует, или я сама это сделаю!» Отец угрюмо скользнул бритвой по ремню, одернул маму: «Не трожь! Видишь, они уже получили свое...» Он видел, она – нет. Он – фронтовик, видел, кто коснулся нас. Она – мать, видела только наш горю жизни. Спасителя мы не искали, потому что были виноваты с головы до пят. Такой неуклюжий возраст.

– Во всем виноват наш горю. Лучше бы не замахиваться на пургу! Я думаю, нас Бог спас, как будущих солдат и налогоплательщиков, – усмехнулся атеист Сережа.

– Ваш спаситель был абсолютной невечерний человек. Может быть, он ради вас и баню-то растопил, может быть, он и сегодня тебя слышит. Такое часто бывает: у Бога обителей много. Вот и церковь Михаила Архангела рядом.

Так сказал Орионец. Орионец не обманщик.

РИММА ДЫШАЛЕНКОВА

Яна Галицкая

Бумажный мир

Тишина. Луна полна
Ожиданья
У квадратного окна
Мирозданья.

Теплый день, улыбки тень
На рассвете,
Но, мне кажется – не те
Звезды светят.

Нарисую в феврале
Птицу счастья,
Поделю я на землю,
Ночь на части.

В мире этом или том
Жизнь все та же,
Только кажется мне, что
Мир – бумажный...

Птица

Погаснут надежды зарницы
И холод ворвется ко мне...
Я белая-белая птица,
Уставшая петь при луне.

Вдруг каменным станет движенье,
Сквозь легкую грусть на ветру
Я вижу свое отраженье,
Что греет, подобно костру.

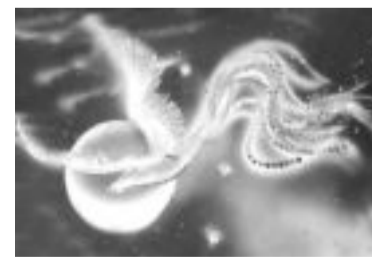
И все-таки ночь растворится
И утро расплещет лазурь,
И черная-черная птица
Уронит на ветер слезу.

Мгновения нет...

В том мире суровом до края
Искать не приходится нам
Сюжета, где осень – живая,
А ночь – покоряется снам.

И в этом красивом смятенье
Взлететь так захочется ввысь,
Но облаком тает мгновенье
И сердце торопит: «Вернись!»

> ПОЭЗИЯ

Ведь сколько бы ни было снега,
И как бы ни таял рассвет,
Нам призрак, спустившийся с неба,
Оставит из прошлого след.

Мы ищем свободу на лицах,
Находим в печали ответ,
Когда захотим возвратиться
В мгновенье, которого нет.